

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬКО
ИНСТРУКЦИЯ
ПО СПАСЕНИЮ ИРИСКИ

18+

Елена Неделько

Инструкция по спасению Ириски

«Автор»

2026

Неделько Е.

Инструкция по спасению Ириски / Е. Неделько — «Автор», 2026

Она спасала собаку, а в итоге пришлось спасать саму себя. Вера привела свою овчарку к лучшему ветеринару Москвы — Давиду. Между ними быстро вспыхивает страсть: горячий секс, кофе по утрам и ощущение, что их одиночества наконец-то подошли друг к другу как кусочки пазла. Но идиллия рушится в один миг. В супермаркете к Давиду подходит шикарная блондинка и прилюдно называет его предателем. Вера понимает, что у её «свободного» мужчины есть другая жизнь, о которой она ничего не знала. Сможет ли она простить ложь? Или единственный способ спасти себя — это разрушить всё до основания и начать строить заново, но уже в одиночку?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Елена Неделько

Инструкция по спасению Ириски

Глава 1

Ноябрь в этом году решил не размениваться на мелкую морось и ударил сразу ледяным ливнем. Вода стекала по козырьку черной вязаной шапки Веры, затекая за воротник непромокаемого пальто. Рядом, тяжело дыша вываленным языком, шла Ириска. Её рыжие подпалины потемнели от влаги, а некогда пушистый хвост уныло повис прямой палкой.

Вера механически переставляла ноги по раскисшей тропинке парка. Десять лет назад она купила этот поводок — дорогой, из плетеной кожи, с тяжелым карабином. Тогда ей казалось, что это навсегда. Что они с Димой будут гулять здесь вдвоем, потом, возможно, посадят в коляску ребенка, а седая Ириска будет снисходительно охранять их.

Дима ушел три года назад, забрав кофемашину и оставив после себя лишь звенящую пустоту в двушке на окраине Москвы. Спасла Ириска. Она буквально вытянула Веру из-под одеяла в то первое утро, ткнувшись мокрым носом в щеку: «Хозяйка, мир не рухнул, мне нужно писать».

И вот теперь рушился сам мир.

Ириска остановилась внезапно, натянув поводок так, что у Веры хрустнуло запястье. Собака сделала два неуверенных шага, её задние лапы подломились, и она медленно, почти грациозно осела на мокрый асфальт, завалившись на бок. Глаза, обычно умные и чуть насмешливые, закатились, показывая белки. Живот начал неестественно раздуваться прямо на глазах.

— Нет-нет-нет, девочка моя, только не это... — Вера упала на колени в грязь, пачкая светлое кашемировое пальто. Руки тряслись. Заворот желудка. Она читала об этом страшном биче крупных собак. Счет идет на минуты. Если желудок перекрутится полностью, начнется некроз.

Она попыталась поднять шестьдесят килограммов паникующей овчарки. Тщетно. Ириска только слабо скулила, скребя передними лапами землю.

Вера вытащила телефон. Пальцы не слушались, экран заливало водой.

— Такси! — крикнула она в голосовой помощник. — Ветклиника «Старый Доктор», улица Строителей!

Дорога превратилась в липкий кошмар. Ириска лежала на полу машины бизнес-класса, водитель смотрел в зеркало заднего вида с ужасом, а Вера массировала собаке грудь, пытаясь хоть немного облегчить дыхание, и шептала глупости про вкусные куриные шейки.

Здание клиники выглядело как старый доходный дом — темно-красный кирпич, кованые решетки. Никакой праздничной зелени или мигающих вывесок. Только тяжелая дверь с круглым латунным набалдашником.

Вера ввалилась внутрь.

— Помогите! У неё заворот!

Администратор даже не успела пикнуть. Из смотровой, стягивая латексные перчатки, вышел он.

Он был совсем не похож на киношных ветеринаров. Никаких белоснежных улыбок и утешительных поглаживаний. Высокий, широкоплечий, в помятой зеленой хирургической форме. На лбу — полоска пота, трехдневная щетина царапает кожу, а глаза цвета остывшего асфальта смотрят оценивающе и жестко. От него пахло лекарствами, спиртом и чем-то еще, специфически животным — железом и страхом.

— Стол, — бросил он вместо приветствия. Голос оказался низким, с легкой хрипотцой курильщика. — Капельницу физраствора, кубик баралгина. Живо. Вы кто?

— Вера. Это Ириска.

— Сколько весит?

— Около шестидесяти.

— Когда последний раз ела?

— Часов пять назад. Курицу.

Давид — имя было вышито кривоватым шрифтом на кармане его формы — действовал молниеносно. Он не тратил время на соболезнования. Его руки были пугающе уверенными. Он без усилий поднял Ириску на металлический стол. Катетер вошел в вену с первого раза.

— Раздуло сильно, — констатировал он, делая пальцами больно, но профессионально. — Будем ставить зонд. Держите ей голову. Крепко.

Ириска сопротивлялась. Для здоровой собаки эта процедура мучительна, для умирающей — пытка. Вера навалилась всем телом, зажимая челюсти овчарки, чувствуя, как трещат собственные зубы от напряжения. Давид вводил толстый резиновый шланг в собачью пасть. Послышался отвратительный звук выходящих газов — пффф. Живот опадает, становясь мягким.

Вера выдохнула, оседая на пол. Ошибка? Может, обошлось?

Давид выпрямился. Вытер лоб предплечьем. Посмотрел на рентгеновский снимок, который ему только что вынесла медсестра.

— Не обошлось, — сказал он ровно. — Газы вышли через зонд, но спайка уже пошла. Я слышу селезенку. Оперировать надо было десять минут назад. Сейчас счет идет на секунды. Лапаротомия. Ставим на стол.

— Сколько? — прошептала Вера, глядя на свои грязные джинсы.

— По прайсу со всеми рисками — сто двадцать тысяч. Плюс стационар. Предоплата сто процентов. Платить будете картой или переводом?

Сто двадцать тысяч. Почти вся её зарплата за полтора месяца фриланса. У нее оставалось сорок на карте и пятнадцать наличкой в кошельке.

— У меня нет таких денег, — сказала Вера, и голос предательски дрогнул. — Совсем.

Давид впервые посмотрел прямо на неё. Без халата он казался еще массивнее. Он прищурился, оглядывая её с головы до ног: дорогое, хоть и испорченное дождем пальто, ухоженные руки архитектора, отчаяние в глазах.

— Мне плевать на ваши деньги, — отрезал он. — Мне нужна живая собака на выходе. Но мои анестезиологи хотят есть, а газ в клинике не бесплатный. У вас есть час, чтобы найти остальное. Или я зашиваю ее прямо сейчас, отдаю вам труп, и мы расходимся. Выбирайте.

Он развернулся, чтобы уйти в операционную. И тут Вера сделала то, чего никогда не делала. Она была гордой женщиной, которая привыкла решать всё сама. Но сейчас на столе лежала её единственная семья.

— Стойте! — выкрикнула она. — Подождите!

Давид обернулся. Бровь вопросительно поползла вверх.

— Я архитектор-реставратор, — быстро заговорила Вера, глотая слезы. — Интерьеры. Старый фонд. Посмотрите на свою клинику. Эти стены видели революцию, а выглядят как районная поликлиника. Желтый линолеум, плитка «в шашечку»... Я сделаю вам проект. Бесплатно. Полностью. От вентиляции до дизайна ресепшена. Просто дайте мне отсрочку. Прооперируйте её в долг.

Давид замолчал. Казалось, целую вечность он просто сверлил её своим тяжелым взглядом. За стеной истошно мяукал чей-то кот.

Потом он перевел взгляд на Ириску. Овчарка смотрела на него мутным, полным боли глазом, но хвост один раз слабо стукнул по металлу стола.

— Проект мне нужен был еще вчера, — наконец произнес Давид. — Старая вентиляция гоняет запахи из стационара в кабинет, клиенты жалуются. Ладно. Зонд оставляем. Капаем. Маша, готовь операционную, набор на заворот. А вы... — он снова посмотрел на Веру. — Сидите в коридоре. Нечего тут сопли разводить, мешаетесь. Если начнет синеть язык — зовите.

Он исчез за тяжелой дверью операционной. Щелкнул замок.

Вера осталась одна в узком больничном коридоре. Пахло хлоркой, мокрой псиной и бедой. Она села прямо на потертый бежевый линолеум, привалилась спиной к холодной батарее и закрыла лицо руками.

Ей казалось, что прошла целая жизнь, когда ручка двери начала медленно поворачиваться. Сердце ухнуло куда-то в живот. Шаги. Медленные, тяжелые.

Из операционной вышел Давид. Теперь на нем не было маски. Лицо уставшее, бледное. Он стянул с рук окровавленные перчатки, швырнул их в урну и достал из кармана пачку сигарет. Пальцы заметно дрожали.

— Селезенка цела, — сказал он в пространство, прикуривая. — Желудок промыли, пришли к брюшной стенке, чтобы больше не крутился. Потеряла много крови, пришлось переливать. Сейчас на столе. Греем.

Вера поняла, что не дышит. Она судорожно вдохнула, хватая ртом воздух.

— Она... она будет жить?

Давид выпустил струйку дыма. Посмотрел на свои руки — пальцы были желтоватыми от йода.

— Будет. Если ближайшие трое суток переживет перитонит. И еще инфаркт миокарда у старых собак после наркоза — частый гость. И стоять это будет все те же сто двадцать.

Он подошел ближе. Вера инстинктивно сжалась, ожидая очередного удара по больному. Но он просто протянул руку. На его ладони лежала кожаная петля поводка и заляпанный грязью красный ошейник Ириски.

— Забирайте, — кивнул он на пустой коридор. — Идите домой. Привезете часть денег завтра. И если моя новая вентиляция будет шуметь громче этой старой адской машины — я выставлю вам отдельный счет за моральный ущерб.

Вера взяла холодный металл. Поводок казался невыносимо легким без тяжести Ириски на другом конце.

— Как зовут вашу собаку? — вдруг спросил Давид, выбрасывая сигарету в банку с песком.

— Ириска, — ответила Вера.

— Сладкое имя для серьезной псины, — хмыкнул он. — Моя бы сожрала такой ошейник за секунду. Меня, кстати, зовут Давид. До завтра, Вера. И позвоните водителю вашего такси, пока он не прислал вам счет за химчистку салона.

Он развернулся и пошел прочь по коридору, оставляя за собой шлейф запаха лекарств и дешевого табака.

Вера вышла под дождь. Холод мгновенно пробрал до костей. Она стояла на ступенях кирпичного дома, сжимая в руке пустой поводок, и плакала так, как не плакала со дня развода. Но сегодня это были не слезы потери. Сегодня это были слезы того, кого только что вернули с того света.

Глава 2

Утро началось не с будильника, а с запаха хлоргексидина и собственного отчаяния. Вера провела в клинике «Старый Доктор» всю ночь. Администраторша, сменившаяся к четырем утра, пыталась выставить ее на улицу под ледяной дождь, но Вера просто молча пересела со стула на пол у двери операционной, где за Ириску дышал аппарат искусственной вентиляции.

К семи часам она превратилась в призрак: волосы сбились в жесткий колтун под мокрой шапкой, дорогое кашемировое пальто стояло коробом от засохшей грязи, а под глазами залегли тени цвета грозового неба.

Ириска была жива. Давид — теперь его имя отзывалось в груди странным, тяжелым гулом — вышел из стационара ровно в семь ноль пять. Без маски он выглядел еще опаснее. Резкие скулы, тень щетины, потемневшая от усталости кожа. Он кинул на Веру один взгляд и поморщился.

— Выглядишь паршиво, архитектор, — вместо приветствия бросил он, прислоняясь плечом к дверному косяку. — Твоя собака пытается обмануть смерть. Пока успешно. Но ей нужен круглосуточный контроль давления. Стационар стоит денег, напоминаю.

— Я помню, — голос сел до сиплого шепота. — У меня есть сорок тысяч. Наличными.

Давид взял протянутые мятые купюры, даже не пересчитывая. Сунул их в карман хирургических штанов.

— На антибиотики хватит. Что по проекту? Когда начнешь спасать мою вентиляцию?

— Мне нужно домой, — Вера потерла оочевевшие пальцы. — Принять душ, переодеться. Взять рулетку, образцы... Чтобы сделать смету, мне нужно оценить объем работ. Старый фонд непредсказуем. Там может быть что угодно под полом.

— Например, скелеты бывших владельцев? — впервые за все время уголок его губ дернулся в подобии усмешки. — Хорошо. Жду тебя здесь к двум часам. Не опаздывай. Если моя девочка начнет уходить, я должен знать, кому звонить насчет аванса за плитку.

Дом встретил ее оглушающей тишиной. Вера прошла мимо пустой миски Ириски, стараясь не смотреть в сторону коридора, где обычно висел поводок.

Горячий душ немного вернул чувствительность коже, но внутри всё оставалось замороженным. Она выбрала самую строгую одежду из своего шкафа: черные брюки-дудочки, темно-синюю водолазку из плотного хлопка и тяжелые ботинки на шнуровке. Никаких платьев, никаких распущенных волос. Сегодня она не женщина. Сегодня она подрядчик. Инструмент для спасения собаки.

В клинику Вера вошла ровно в тринадцать пятьдесят восемь.

Давид ждал ее не в кабинете, а прямо в стационаре. Сидел на крутящемся стуле спиной к ней, глядя через толстое стекло на ряды клеток. Перед ним стояла чашка с чем-то дымящимся. От запаха крепкого, без сахара, кофе у Веры свело желудок.

— Пульс ровный, температура тридцать восемь и два, — сказал он, не оборачиваясь. — Проснулась утром, сожрала катетер вместе с бинтами. Пришлось ставить новый. Характер огонь.

— Она всегда такая, — тихо ответила Вера, подходя ближе. Сквозь мутное от пара стекло было видно рыжий бок овчарки. Ириска лежала, подключенная к капельнице, но уши стояли торчком. Услышала.

— Как ты узнала про заворот? — Давид наконец повернулся. Стул скрипнул. — Большинство хозяев ждут до последнего, пока собаку не начинает рвать пеной.

— Мой отец был охотником, — Вера сцепила руки в замок, чтобы они не дрожали. — У него были гончие. Он научил меня отличать тяжелое дыхание от предсмертного. А потом...

когда муж ушел, Ириска стала моим спасителем. Если мне хотелось лечь и не вставать, она приносила мне ботинки. Мол, пошли, мир сам себя не обойдет.

Давид долго смотрел на нее. Его взгляд больше не казался оценивающим или жестким. Он стал внимательным, изучающим, словно перед ним находился сложный архитектурный чертеж, который нужно прочесть правильно, чтобы здание не рухнуло.

— Ботинками по больному — это сильно, — констатировал он. — Ладно, архитектор. Показывай фронт работ. Только быстро, у меня операция через полчаса, йоркширский терьер ждет.

Они вышли в коридор. Вера достала из сумки маленький лазерный дальномер. Пространство клиники давило на нее низкими потолками и тусклым светом. Желто-коричневый линолеум действительно вздыбился волнами, плитка в холле пожелтела, а воздух пах смесью страха, мочи и дешевого освежителя «Хвоя».

— Здесь нужна полная перепланировка, — начала Вера профессионально, включая прибор. — Зонирование. Отделите приемную от стационара глухим тамбуром с мощной вытяжкой. Иначе ваши клиенты будут падать в обморок от запаха наркоза. Полы менять полностью. Нужен полимер — он бесшовный, в нем не скапливается кровь и шерсть...

Она говорила минут двадцать, водя лучом лазера по стенам, делая пометки в блокноте быстрым, летящим почерком. Давид следовал за ней молчаливой тенью. Он не перебивал, только иногда хмыкал, когда она указывала на трещины в несущих стенах или предлагала снести дурацкую гипсокартонную перегородку, съедающую драгоценные метры узкого кабинета.

Когда она закончила, наступила пауза. Было слышно только, как где-то в глубине подвала монотонно гудит старый насос.

— А сейчас ты в оношениях? — внезапно спросил Давид.

Вопрос ударил под дых. Вера замерла с занесенным над стеной маркером.

— Нет. Уже три года.

— Он решил развестись?

— Почти. Он просто исчез. Оставил записку и прихватил кофемашину.

— Мудак, — коротко резюмировал Давид. — Кофемашинка важнее. Особенно если варит правильный эспрессо.

Вера моргнула. Контраст между этим суровым мужчиной, который час назад руками вправлял выпадающие кишки, и тем, кто сейчас рассуждает о кофе, сбивал с толку.

— Ты поэтому пошел в ветеринарию? — спросила она, чтобы заполнить звенящую пустоту. — Потому что люди мудачки, а собаки нет?

— Люди платят вовремя, — сухо ответил он, забирая у нее из рук маркер. — Собаки умирают бесплатно. Пойдем, покажу тебе самое страшное место. Туалет.

Туалет оказался крошечной каморкой с тусклой лампочкой. Кафель здесь был нежно-розовым и покрыт сетью трещин.

— Сюда приходят рыдать хозяйки котиков, которые не дождались своей очереди, — пояснил Давид, опираясь плечом о косяк. — Розовый цвет провоцирует истерику. Сделай мне тут серый бетон и одну хорошую картину. Клиенты любят эстетику.

Он говорил цинично, но Вера вдруг поняла — это броня. Такая же, как ее водолазка и плотно сжатые губы. Броня человека, который каждый день держит чужих любимцев на грани жизни и смерти, потому что своих у него, скорее всего, нет. Или потеряны так давно, что рана затянулась рубцами.

— Я сделаю тебе такой туалет, что Vogue попросит разрешение на фотосессию, — сказала Вера, поднимая на него глаза. — Но мне нужны материалы. Краска, грунтовка, каталоги полов. Предоплата поставщикам. Еще около тридцати тысяч.

Давид посмотрел на нее сверху вниз. Расстояние между ними сократилось до полуметра. Она чувствовала тепло, исходящее от его крупного тела, запах озона, въевшийся в ткань формы после кварцевания, и легкий цитрусовый оттенок парфюма.

— Архитекторы всегда просят деньги вперед, — медленно произнес он. — Хирурги тоже. Мы с тобой отличная команда. Деньги будут завтра, Вера. Все сто двадцать минус твой задаток. И еще я продам свой мотоцикл.

— У тебя есть мотоцикл? — удивление вырвалось раньше, чем она успела прикусить язык.

— Был. Стоял в гараже четыре года. Думал, буду ездить на выходных, чувствовать ветер... — он криво улыбнулся одними губами. — Какие выходные, когда каждые субботу-воскресенье дачники везут попавших под газонокосилку ежей? Завтра позвонит перекупщик. А твоя задача до этого времени — нарисовать мне красивую картинку моего спасения. Поняла?

Он шагнул к выходу, задев ее плечом. Случайно. Но Вера почувствовала этот контакт всем позвоночником — тяжелый, мужской, надежный.

— Поняла, — выдохнула она в пустоту.

Дверь туалета захлопнулась, оставив ее одну среди облезлого розового кафеля. Вера прижала ледяные ладони к горящим щекам.

Сто двадцать тысяч. Проект реконструкции. Мужчина, который пахнет спасением сигаретами.

Она вытащила телефон, открыла рабочий чат с заказчиками и написала: «Коллеги, беру больничный на неделю. По семейным обстоятельствам».

Затем открыла папку с референсами интерьеров и создала новый проект. Название файла: «Старая Клиника_Спасение».

А внизу, глубоко в подсознании, тихим шрифтом прописалась вторая мысль, пугающая своей неуместностью: название второго файла должно называться «Давид».

Глава 3

Квартира встретила Веру гулкой пустотой, но впервые за три года этот вакуум не давил бетонной плитой. Он звенел возможностями. Руки всё еще пахли хлоргексидином и типографской краской от свежкупленных каталогов напольных покрытий. Ириска была вне опасности, а у самой Веры в кармане пальто лежала визитка, написанная Давидом от руки на мятом рецептурном бланке: «Давид Левин. Главврач. Если сдохнет — звони». Рядом стоял корявый крестик вместо подписи.

Вера рассмеялась. Смех получился сухим, похожим на кашель, но он наконец-то разбил ледяную корку вокруг сердца.

Она работала до рассвета. Кухонный стол, за которым они с Димой когда-то пили чай из дурацких кружек с котами, превратился в штаб архитектора-революционера. Ватманы шелестели, карандаши крошились, калька собиралась гармошкой. Вера мстила этой клинике за свой страх. За желто-коричневый линолеум. За цинизм Давида, который был лишь тонкой скорлупой над бездной усталости.

Она сносила стены виртуальным бульдозером, впуская в мрачную ветеринарную клинику свет. Вместо убогого пластика — массив дуба, покрытый матовым лаком. Вместо люминесцентных ламп, мигающих как в прозекторской, — тяжелые латунные светильники Эдисона. Она спроектировала для стационара отдельную зону шумоизоляции, чтобы лай собак на обследовании не провоцировал панику тех, кто ждет своей очереди.

В четыре утра, когда глаза начало жечь огнем, Вера поняла, что проект идеален. Слишком идеален. Для такого места нужна была душа. А душу нельзя начертить в AutoCAD.

Она заварила себе растворимый кофе — горький, дешевый, царапающий горло. Подошла к окну. Ночной ноябрь слизал остатки снега, превратив двор в черное зеркало. Там, внизу, жил город, которому не было дела до разорванных селезенки овчарок и проданных мотоциклов.

Телефон издал короткий пикающий звук. Сообщение. Номер не определен.

«Твой эскиз вентиляции перекрыл доступ к щитовой. Переделывай. Д.»

Ни приветствия, ни вопроса, только сухая констатация факта. Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле. Он запомнил ее имя. Букву «Д». Не Ворохов, как тот высокомерный мерзавец в кашемировом пальто из прошлой жизни, а просто «Д».

Вера метнулась к столу. Как она могла забыть? Старый фонд часто преподносит такие сюрпризы: проводка идет прямо по центру несущей балки. Она быстро открыла программу, сдвинула короб воздуховода на сорок сантиметров вправо, обогнув кабель-канал, и отправила файл обратно.

Ответ пришел через минуту. Голосовое.

Она нажала на кнопку воспроизведения, чувствуя, как предательски теплеют уши.

— Уже лучше. Но ты забыла про мой кабинет. Летом там можно жарить шашлык, если открыть окно. Зимой воем так, что пациенты сидят раньше времени. Посмотри план, стена между нами и аптекой ненесущая, проруби мне там дверь. И сделай человеческий ресепшн. Твоя текущая стойка выглядит как гробница Тутанхамона после набег школьников. Жду визуализацию к обеду. И привези мне нормальный кофе. Тот бурый порошок, который пьет моя администраторша, оскорбляет мои вкусовые рецепторы.

Он уволил ее бессонную ночь одним сообщением. Прорубить новую дверь — это соглашение, пыль, работа перфоратора, которая может потревожить швы Ириски. Но больше всего Веру зацепило слово «жду». Не «сделай», не «отправь», а именно «жду». Оно звучало почти интимно в этом царстве клинической смерти и строительного мусора.

К двенадцати дня клиника гудела, как растревоженный улей. Вера вошла внутрь, прижимая к груди тубус с распечатанными чертежами и бумажный пакет, от которого исходил густой аромат настоящей арабики.

За стойкой администратора сидела та самая Маша, что ставила катетер ночью. Увидев Веру, она просияла:

— Вера! Давид Андреевич сказал, вы нас спасете. Проходите, он в операционной, но просил вас подождать в ординаторской. Только... осторожнее. Там крыса.

— Живая? — испугалась Вера.

— Хуже. Плюшева. Серая. Он с ней спит, когда остается на ночное дежурство. Не смейтесь, ради бога, иначе он заставит вас переделывать все еще раз.

Ординаторская оказалась точной копией всех врачебных комнат страны: диван с протертой искусственной кожей, шкаф со стеклянными дверцами, забитый бинтами, и запах озона. На столе стояла рамка с фотографией. Вера подошла ближе.

На снимке молодой, улыбающийся Давид обнимал за плечи хрупкую женщину с копной темных кудрей. Они стояли на фоне Эйфелевой башни, щурясь от солнца. Женщина держала на руках крошечного рыжего корги. На заднем плане маркером было небрежно выведено: «Париж. До того, как всё стало сложным. Береги Бастера».

Бастер. Значит, собаку зовут Бастер.

Щелчок замка прервал созерцание. Вера едва успела отскочить от стола.

Давид вошел без маски, стягивая с рук латексные перчатки. От него волнами расходился тяжелый запах крови, формалина и победы. Он увидел пакет в руках Веры, заметил направление ее взгляда, брошенное на фото, и его лицо снова превратилось в непроницаемую маску.

— Операция прошла штатно, — бросил он, бросая перчатки в урну. — Кровопотеря минимальная. Что принесла?

— Проект, — хрипло ответила Вера, протягивая ему тубус. — И кофе. Средняя обжарка. Как вы любите.

Его брови удивленно поползли вверх. Он ничего не говорил о своих предпочтениях вслух. Значит, той ночью в коридоре, пока она плакала у батареи, она смотрела не только на пустой поводок, но и на него. Запоминала.

Давид взял пакет, втянул носом воздух и впервые за все время расслабил плечи.

— Садись, — кивнул он на скрипучий стул. Сам присел на край дивана, опасно близко. Так близко, что Вера почувствовала жар, исходящий от его тела сквозь тонкую ткань хирургической формы. — Показывай.

Развернутые ватманы легли на стол, закрыв собой фотографию из Парижа. Вера начала говорить быстро, сбивчиво, водя карандашом по линиям. Она рассказывала про зонирование, акустический поролон, скрытые двери для персонала, тактильную плитку для слепых владельцев.

Давид молчал. Он слушал, опираясь локтями о колени, сцепив руки в замок. Его взгляд перемещался с чертежей на ее губы, потом на разметававшиеся по плечам волосы. Когда Вера случайно коснулась его колена своим, разливая воду из стакана, оба вздрогнули.

— Извините, — выдохнула она, хватая салфетку.

— Тише, — вдруг перебил он. Его голос стал ниже обычного, потеряв привычную металлическую жесткость. — Ты нарисовала панорамное окно в зоне ожидания. На втором этаже. Над парковкой.

— Да. Чтобы люди видели свои машины. Это снижает уровень кортизола, дает чувство контроля...

— Люди будут смотреть на дождь, архитектор, — он накрыл ее руку, сжимающую карандаш, своей огромной ладонью. — Будут сидеть в твоих дизайнерских креслах из букле, пить

плохой кофе из моих новых стаканчиков и думать о том, сколько стоит спасти жизнь. Им будет больно. Но глядя на серый асфальт под дождем, они будут знать, что снаружи тоже осень. И их горе имеет право на существование. Это гениально, Вера.

Он переплел свои пальцы с ее. Ладонь была жесткой, покрытой мелкими шрамами от скальпеля и уколов, но горячей. Обжигающей.

— Я не возьму твой мотоцикл, — сказала Вера внезапно осипшим голосом, не в силах пошевелиться.

— Возьмешь, — усмехнулся Давид, наклоняясь чуть ближе. — Потому что завтра я подпишу договор. Аванс тридцать процентов на карту. Остальные семьдесят — когда примешь объект. А пока...

Он отпустил ее руку и полез во внутренний карман куртки. Достал оттуда сложенную вчетверо бумажную салфетку. Развернул.

На дешевой целлюлозе углем был нарисован профиль. Ее профиль. Резкая линия носа, выбившаяся прядь волос, плотно сжатые губы. И глаза. Огромные, испуганные, но живые. Глаза женщины, которую только что вытащили с того света вместе с ее собакой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.